

### Глава 3. ПОСТМОДЕРН КАК «ПРОКЛЯТАЯ СТОРОНА МОДЕРНА»

#### Идейная и институциональная профанизация Модерна

Нормативные ценности Модерна, будучи полностью воплощенными, «овеществились», то есть превратились из трансцендентных утопических целей в характеристику нынешней имманентной политической реальности «здесь и сейчас». Эта реальность характерна доминированием «настоящего времени», где «то что есть» определяет и «то что было», и «то что будет» путем «поглощения» настоящим прошлого и будущего. Эта «тирания настоящего» не может нести в себе заряд взрывающей настоящее утопии, будучи «тотальной идеологической реальностью».

Тотально идеологическое мышление претендует на объективное отражение самой «социальной реальности», на присвоение «социального факта». Последний «как бы» и не имеет смысла постигать, поскольку он и так дан «естественным образом», на уровне самоочевидного «здорового смысла», не требуя для своего постижения какой-либо «дополнительной рефлексии».

Дискурс политической нормы всегда принадлежит правящей элите. Это властный дискурс, задачи которого связаны не только с онтологическим оправданием и легитимацией действующей власти, но и с «профилактикой» утопических вызовов, грозящих взорвать сложившееся политическое статус-кво. Однако пост-модернистская политика, все более выходя за пределы Модерна, все с большим трудом легитимируется «вчерашними», «нормальными» идеологиями и утопиями.

Поэтому, *вытесняя из политики не-норму, классифицируемую с моральной точки зрения как зло, привычные для Модерна политические субъекты (государство-нация,*

*классы, партии) сталкиваются лишь с тем, что зло не исчезает, а наоборот, прорастает в политической системе, беря реванш в качестве «прóклятой стороны вещей». И не замечать очевидности этого реванша в условиях делегитимации «модернистских норм» становится все труднее.*

Титанические усилия, направляемые сегодня в поддержку проекта Просвещения и Модерна, классических «великих идеологий», лежащих в его основании, свидетельствуют об исчерпанности идеологических дискурсов Модерна, которые, обнаружив свою историческую и культурную граничность в «постиндустриальном», «информационном», «потребительском» обществе, оказались практически не способными эффективно объяснить и легитимировать реальность пост-Модерна.

#### *Исторический взлет и закат Модерна*

Общественные науки Модерна, находясь в «нормальной половине» расколотого мира Просвещения, выбрав определенный набор социально-политических аксиом, транслируют с целью воссоздания исходной целостности законы внешнего мира вовнутрь человека, то есть метафоризируют внутренний опыт, психику через внешний мир, природу. Наука «натурализирует человека», психология, наоборот, осуществляет обратный перенос, «психологизируя мир».

В политике целостность проекта Модерна была достигнута за счет всего, что не могло быть в него вписано. Позже оказалось, что политическое знание тождественно политическому бытию лишь в довольно узком срезе социально ангажированной рациональности, на определенном историческом отрезке времени и в сознании конкретного политического субъекта. С одной стороны, разум как критерий истины, сводимый к рациональности, вдруг оказался избыточен в отношении объективной реальности, включая в себя и воображение, и убеждения, и аффекты, и интуи-

цию, и т.д. С другой – всеобщий политический разум постепенно стал лишь одной из моделей социально-политической рациональности, принадлежащей главным образом буржуазии и комплексу либеральных идей, лежащих в основе проекта Просвещения. Но как только целостность модернистского проекта стала ослабевать, вытесненные из проекта содержания стали брать верх над нормативными тождествами, воплощаясь в «тотальном Другом» Модерна, во всем, что не вписывается в данный проект.

Единая объективная картина мира, которую обеспечивали в идейном пространстве докапиталистического общества институты монархии и церкви, распалась в Европе с возникновением «протестантских ересей» и ростом утопического сознания буржуазии как восходящего класса. В секулярном политическом обществе функцию гаранта объективности и декартовской самоочевидности взяло на себя сформировавшееся национальное государство, заменившее объективную реальность Бога объективной реальностью Разума. Прежнее единство, скрепленное общим наследием (античность), языком (латынь) и местом их постижения и производства (монастырь, университет, скрипторий) преобразовалось в множественность национальных, языковых, культурных миров в форме наций-государств, интегрируемых проектом Модерна.

Однако и государство со временем потеряло функцию институционального гаранта универсального миропорядка. Этот процесс был связан как с дискредитацией самой возможности получения объективного знания об обществе ценной отказом от социально-политической рефлексии ученого над ним, так и с формированием публично-гражданской политики, ее выходом из-за «дворцовых кулис».

У Гегеля государство еще выступало как одна из высших стадий развертывания абсолютного духа, как реализация сверхчувственного порядка, довлеющая над граж-

данским обществом из сферы универсального закона истории как «нечто разумное в себе»<sup>1</sup>. Но уже государство Маркса, понимаемое как вполне постороннее и земное образование, теряет свою трансцендентность, отражая динамическое соотношение интересов социальных групп, с лежащими в их основании конфликтами производственных отношений<sup>2</sup>.

Распавшееся единство слов и вещей универсального объективного языка о политике, скрепляемое ранее монархией и церковью посредством монополии на легитимное насилие и всеобщую мораль, а затем государством с его монополией на язык естественного права, открывает модернистское пространство идеологических языков политики, в котором ведется постоянная политическая борьба власти/оппозиции за нормативность собственной ценностной модели языка и картины мира.

Исторически стратегия упрощения и «натурализации» политики связана с Просвещением, которое предложило объяснение реальной политики с позиций здравого смысла и утилитарной выгоды. Принципов, независимых ни от традиции, ни от бога. Божественные основания политики стали земными, а бог уступил место общественному договору. Политические сущности предстали результатом релятивных человеческих соглашений, которые имеют тенденцию время от времени пересматриваться. Но достаточно ли калькулируемой политики как воли большинства для легитимности политического режима? Или она должна содержать что-то еще, некие символы веры, которые трудно вписать в здравый смысл и конкретные выгоды для боль-

---

<sup>1</sup> Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 53-54; 92-94.

<sup>2</sup> Маркс К. *К критике гегелевской философии права*. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 414-429.

шинства? Апелляция к богу уступает апелляции к обыденной и повседневной реальности политических масс, здравому смыслу, статистике и выборам, «самоочевидным» для всех истинам. Но именно такие житейские истины часто оказываются самыми дремучими заблуждениями. Поэтому новой задачей политических элит в современных массовых обществах вместо отражения идеологически «правильного» бытия стало производство конформного сознания.

*Трансгрессия «великих идеологий»*

Именно в момент разотождествления государства и общества, когда первое из явления метафизического порядка становится инструментом, а второе получает через всеобщность избирательного права гражданское качество, становится возможной современная (модернистская) политическая наука в форме производства и борьбы «больших идеологий», связанных с рефлексией идеологизированной социально-политической действительности, разбивкой общества на партии и классы.

Единый объективный язык в сфере политики становится невозможным по причине отсутствия неизбежного универсального объекта и самоочевидности «социального факта». В условиях распада объективной картины мира любое политическое суждение может опираться только на реальность субъекта. Эти коллективные субъективные реальности, естественно, не совпадают. Все размышления о политике стали возможны только в форме политической теории, опирающейся на ту или иную идеологию. Причем в данном случае степень осознания субъектом своей идеологии, то есть историко-политической обусловленности, существенной роли не играет. Политическая теория трансформируется в набор систем ценностей, обусловленных групповыми интересами. Каждая из этих систем претендует на утерянную универсальность, сознавая при этом объек-

тивность данной ситуации, определенной своей позицией внутри социума. При этом связь идеологий с конкретными группами общества позволяет им это общество интерпретировать, но не позволяет встать над ним. Именно данная грань отделяет частичную идеологию от тотальной, а политику от политической науки, которая предстает как «объективное пространство субъективных точек зрения».

В условиях кризиса реализации Модерна можно наблюдать методологический переход от описания «самоочевидных социальных фактов» к их интерпретации, от объекта к субъекту, от позитивизма к герменевтике. Акцент производится на самих средствах описания, выражаясь в лингвистическом повороте гуманитарного знания в целом. Состояние упадка «великих идеологий» и «лингвистический поворот» политических наук к языку, который до некоторых пор не был ни объектом, ни проблемой в политике, указывает на появление новой «дисциплинарной матрицы» мышления.

Особенность ее в том, что идеология окончательно «открепляется» от порядка универсального, не стремясь более к построению объективной картины политики и следующей из нее монополии на истину. Это дает основание утверждать наступление конца политики в традиционной для Модерна форме борьбы идеологий. Признание неуниверсальности и неэффективности классических идеологий в условиях пост-Модерна повлекло ряд следствий. Первое из них – деконструкция идеологий, упразднение их нормообразующей роли в политической практике. Г. Маркузе<sup>1</sup> хорошо показал, как идеологии (в классической трактовке К. Манхейма<sup>2</sup>) трансформируются сегодня в политические

---

<sup>1</sup> Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book. 1994. С. 115.

<sup>2</sup> Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., Юристь, 1994. С. 143.

технологии, когда заложенные в них ценности и цели уже реализованы, либо более не актуальны, но еще возможно их использование, основанное на эффекте последствия или, если угодно, симуляции. Последний прием подтверждается успехом технологий политического популизма, эффективно соединяющего в пост-идеологическом коктейле элементы ценностно конфликтовавших ранее течений. Идеологическая верность и неизменность убеждений все более воспринимается как архаизм «неизменной религиозной картины мира», причем как политиками, так и избирателями.

Идеологии и социальные группы фрагментируются. Соответственно растет количество эффективных технологий дефрагментации, в силу плавающего характера социальных связей. Но эти дефрагментированные образования – неустойчивые соединения, легко подверженные распаду. Поэтому действительно можно говорить о конце идеологий и утопий, язык которых во времена Великой французской революции сменил язык религиозно-политического сознания, превратив его в идеолого-утопическое орудие.

Но идеологии тоже обнаружили свои исторические пределы, став материалом для пост-идеологических, популистских конструктов. Однако популистское, некритическое слияние антагонистических фрагментов традиционных идеологических парадигм перерастет в синтез только в одном случае: если будет найдено новое основание политической парадигмы, позволяющее переформулировать старые конфликты. Подобным паллиативом сегодня пытается стать концепт общества потребления, имплицитно связанный с философией прагматизма. При этом акцент в политической деятельности смещается от выходящих за пределы Современности целей к ее косметическому «ремонту»: от всеобщего блага к эффективности управления, от объекта к субъекту, от изменения реальности к борьбе за ее интерпретацию, от построения общества «нового типа» к переделке «гражданского общества».

Просвещенческий дискурс убеждения (доказательства), основанный на модели человека-субъекта, сменяется постмодернистским риторическим дискурсом повторения, умножения и внушения. Власть вновь приобретает религиозные функции, так как ее легитимация производится не сознательным убеждением, предполагающим сомнение, а оформлением самого здравого смысла политики, самоочевидного «естественного» порядка вещей, которое снимает сам рациональный дискурс сомнения в пользу манипулятивного дискурса «до-верия» и «пред-рассудка». Технология власти, таким образом, переключается с идеологического обоснования политических целей и ценностей через сущностные модели человека на манипулирование этой сущностью. Манипулирование же строится на отказе человеку в каких-либо трансцендентных сущностях, сверх-природных качествах.

Становление великих идеологий происходило в их непримиримой борьбе друг с другом и церковью, отсрочивающей эту борьбу к вечности. Постепенно, с утверждением универсального экономического строя капитализма и пространства светских либеральных ценностей, в котором идеологии начали доминировать, они стали склоняться к консенсусным механизмам и процедурам, связанным с представительной демократией. Политика становится формой сосуществования идеологий, которые время от времени изменяют порядок политических ценностей, но вовсе не стремятся выйти за его пределы.

Возрастающее сходство систем ценностей, отсутствие их принципиальной разницы в силу аморфизации прежде ригидных социальных групп и классов влечет такое положение дел, когда в обществе потребления уровень жизни большинства населения таков, что пресловутое «демократическое большинство» готово поступиться скорее политическими свободами, чем достигнутым уровнем комфорта и обеспеченности. И здесь парадоксальным образом внутри

демократии тлеет возможность ее собственного конца. Демократичность все сильнее мешает эффективности власти, превращаясь в традицию, формальный перечень процедур. Транс-идеологическая власть функционально эффективней идеологической, поскольку готова использовать все пространство политического представления для своей легитимации, не будучи стесненной опорой на структурную идеологию, связанную с интересами определенной общественной группы. Соответственно, неэффективной стала и сама идеологическая критика власти, развенчание ее «политического бессознательного». Понятия, став функциональными, легко встраиваются в любой содержательный контекст.

Связь идеологий с теми референтами, которые они когда-то выражали, становится призрачной. Идеологии превратились в символические маркеры, оформляющие структуру артефактного политического пространства представления, все более автономизирующиеся от структуры и соотношения политических референтов. Вихревая циркуляция потоков денег, информации, решений, превращает в цель само ускорение всех этих процессов: экономического роста, роста продолжительности жизни, роста доходов, потребления и т.д. Интенсивность процессов в системе заменила их цели.

#### *Возвышение символической власти*

Символическая власть это не природный, «не естественный» (точнее «сверхъестественный») феномен социального, в отличие от физического насилия либо угрозы такового. Властное отношение возникает в системах общественных коммуникаций и представлениях посредством господства над ними и попыток их нормативной регуляции. Символическая власть в сложносоставном и обезличенном обществе Модерна все отчетливей оформляется как идея власти, свой собственный символ, функционирующий в вир-

туальном пространстве современных форм коммуникаций и средств масс-медиа. Власть все активнее начинает опираться на силу коллективного представления о себе, работать с массовыми настроениями и ожиданиями. Сама реальность, с одной стороны, и формальные полномочия власти, с другой, отходят при этом на второй план. В связи с подобной трансформацией *власть все чаще начинает принадлежать тому, кто создает, контролирует либо наделяет всеобщим смыслом существующие символические системы: язык, миф, религию, науку, политику, экономику и т.д.* Последние как укоренившиеся типы социальной практики в своем привычном виде легитимируются именно силой коллективной веры в них, а власть над этой верой обуславливается господствующим положением в разнообразных формах коммуникативного взаимодействия и обмена.

Такое положение позволяет заставить функционировать социальные практики в рамках «энкратических» (властных) систем ценностей, институтов и моделей, их восприятия как естественных и всеобщих. *Власть символическая – это прежде всего власть над коммуникациями и системами символов, опосредующими отношения человека с внутренним и внешним миром.* Пронизывающий социальное пространство микроуровень власти определяет не только ценности и представления, которые руководят человеком и социальными группами в их выборе, но и сами парадигмы этого выбора, симулирующего свободу.

Власть в рамках науки о власти, то есть политологии, обычно понимается как механизм, ее нормативные определения, как правило, исходят из жесткого противопоставления субъекта и объекта, а ее суть обычно понимается как право субъекта на монополию легитимного насилия на определенной территории (М. Вебер<sup>1</sup>), либо способность од-

---

<sup>1</sup> Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С.645.

ного субъекта заставить другого делать что-либо вопреки его воле и намерениям (Р. Даль<sup>1</sup>). Конечно, политические формы власти, связанные с бюрократическими аппаратами, формальными полномочиями, высшими местами в иерархиях общественных институтов и авторитетом традиций, остаются. Однако реальная субстанция власти в информационном обществе все чаще выходит за пределы институтов, законов и должностных функций, концентрируясь в коммуникационных актах, информационном обмене и языке. Эта власть, основанная на доверии, проникает повсюду и исходит из таких сфер, куда никогда не смогла бы проникнуть власть, основанная на угрозе, запрете, страхе и дисциплинарной практике, подчиняющая в силу некой потенциальной репрессии, прекрасно сознаваемой реципиентами как нечто внешнее по отношению к ним.

Ясно узнаваемый источник власти, ее субъект облегчает в случае необходимости сопротивление ей. Власть здесь «играет в открытую», и человеку ясны правила игры и знакомы те инстанции власти, с которыми он будет иметь дело в случае неподчинения. Ситуация меняется, когда власть становится символической, одновременно невидимой (неясен субъект власти) и всеохватывающей. Из угрозы, некоего однозначного приказа она превращается во «влияние» и «манипулирование», исходящие из самых разных источников и непосредственно «включающих» индивида в постоянно действующее, хотя зачастую и не ощущаемое им поле власти, непрерывно довлеющее над ним. Методы воздействия символической власти связаны не с угрозой легального насилия и запретами, воздействием по принципу стимул-реакция и даже не с сознательным убеждением, но с незаметным внушением, которое интериори-

---

<sup>1</sup> *Dahl R. The concept of power // Political power: A reader in theory and research / Ed. by R. Bell, D.V. Edwards and R.H. Wagner. London: Collier-Macmillan, 1969. P. 80.*

зирует властный дискурс непосредственно в сознание человека таким образом, что происходит отождествление собственных убеждений с инкорпорированными властными требованиями без сколь-нибудь осязаемого внешнего давления. Требования власти отождествляются с требованиями естественности и здравого смысла. Любой протест, таким образом, вынуждено принимает форму парадокса, то есть того, что противоречит доксе, общественному мнению.

Социальная реальность становится лишь полем символического текста, ключ к толкованию которого находится в руках власти. Именно в этом пункте символическая власть принципиально отличается от идеологической формы, стремящейся к вневременной формализации образа мира в жестких универсальных концептах, не обладающих потенциалом адаптации к меняющимся социально-историческим условиям, когда расхождение с реальностью становится столь очевидно, что ведет к тотальному отрицанию «ложного» концепта. Образ мира, связанный с амбивалентной логикой символической власти, имманентен и интерпретативен, то есть главной ценностью выступает способность власти к эффективному преодолению постоянно возникающих противоречий между социальной реальностью и описывающими ее идейными конструкциями.

Формы утверждения символической власти в обществе Модерна различны. Генетически она трансформируется прежде всего из символического обмена путем его отмены, невозможности возврата дара (товара, сообщения, денег, ценностей) и формированием последующей зависимости реципиента от дарителя. Власть здесь представляет своего рода закупорку путей свободного дарообмена и коммуникации<sup>1</sup>. Возникает система «некоммуникации»,

---

<sup>1</sup> Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть ... С. 44-48.

когда «сообщать» может только властный субъект обмена, остальным остается лишь «принимать к сведению», не имея сколь-нибудь значимой обратной связи и механизмов верификации. Такова ситуация в СМИ, где символическая власть связана с посредничеством в коммуникационных процессах и фигурой интерпретатора.

Символическая власть порождается в качестве инварианта из господства над языком как праформой любой коммуникационной модели. В этом контексте мы рассматриваем язык в предельно обобщенном его значении матрицы, изначальной прасистемы символического характера, которая обуславливает саму суть человеческого мышления, его содержание, форму, а следовательно и природу всех продуцируемых им концептов и мыслительных привычек. Например Р. Барт<sup>1</sup> и М. Фуко<sup>2</sup> часто сводят технологические основания власти к языку. Язык действительно имеет властную суть, так как право говорить и господство над языком, то есть установление языковых значений, понятий, норм, по сути являются господством над мышлением человека, его априорной системой ценностей.

Право определять публичный политический язык, то есть устанавливая некую ценностную модель языка как объективную и естественную, и право говорить всегда выступали как извечные атрибуты власти. Язык предполагает коммуникацию, в процессе которой складываются властные иерархии ценностей и отношений. Язык определяет способы мышления и картины мира, он властен над нами, поэтому с его помощью могут осуществляться самые тотальные и эффективные методы социального контроля,

---

<sup>1</sup> Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 547.

<sup>2</sup> Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. С. 117-119.

столь ярко описанные Э. Кассирером<sup>1</sup> и классиками-антиутопистами<sup>2</sup>. Язык позволяет воздействовать на глубинные структуры человеческой личности, на базовые представления о мире и о себе, меняя их в интересах власти. В конечном итоге М. Фуко заключает: «Выражая свои мысли словами, над которыми они не властны, влагая их в исторические формы, исторические изменения которых от них ускользают, люди полагают, что их речь им повинует, не ведая о том, что они сами подчиняются ее требованиям»<sup>3</sup>.

В условиях трансформации Модерна символическая власть все активнее начинает определять жизнь современных обществ. Формы символической власти постепенно начинают превалировать над традицией структурных идеологий, опиравшихся на универсальный концепт рациональности. Эффективность влияния символических форм власти обуславливается прежде всего развитием масс-медиа, изменением статуса информации и языка. Это власть, гнездящаяся в механизмах символического обмена, в информационных потоках, в языковых значениях и коммуникационном опосредовании.

Информация, став главнейшей формой символической власти, перестает быть только сообщением. Она воспроизводит модели «некоммуникации». Транслируемая СМИ, информация превращается в носитель всевозможных вторичных смыслов, оформляющих властный дискурс. Суть символической власти заключена в том, что события становятся символическими маркерами, поводом расста-

---

<sup>1</sup> Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ, 1990. № 2.

<sup>2</sup> Замятин Е.И. Мьг, Хаксли О. О дивный новый мир; Оруэлл Д. 1984. Романы / Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1991. 592 с.

<sup>3</sup> Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1994. С. 322.

вить идеологические акценты и оценки в политической картине мира. Символы отождествляются с означаемой значимостью, а картину мира формирует контроль отбора.

Власть символов усиливается в связи с тем, что современный человек, вынужденный перерабатывать огромные объемы информации, получает большинство своих знаний о событиях и предметах, не сталкиваясь с ними напрямую в своем непосредственном жизненном мире, но лишь путем опосредованного восприятия и информирования. Поэтому он попадает в зависимость от фигуры интерпретатора-посредника, ведущего, эксперта, автора, лидера общественного мнения, которые, в свою очередь, используя свое исключительное положение, транслируют попутно с информацией мифы как «вторичные семиологические системы» (Р. Барт<sup>1</sup>) и/или «симулякры» (Ж. Бодрийяр<sup>2</sup>). То есть мифы, формирующие символическую коллективную реальность. Искусственно конструируемые символические системы становятся «реальностью первого порядка», что влечет за собой революцию средств символической власти, связанных с оформлением образа мира.

Виртуальная гиперреальность становится той моделью, с которой воспроизводится реальность повседневности. Соответственно, имеет место тенденция вытеснения идеологических знаков власти, основанных на связке означаемое-означающее, символами власти, не предполагающими жесткой детерминированности культурных содержания

---

<sup>1</sup> Согласно определению Р. Барта: «Миф представляет собой особую систему и особенность эта заключается в том, что он создается на основе некоторой последовательности знаков, которая существует до него: миф является вторичной семиологической системой». Цит. по: Миф сегодня // Избранное. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 78.

<sup>2</sup> Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Мн.: ООО Красико-принт, 1996. С. 32-47.

ний своими референтами. Символическая власть оперирует фрагментами и контекстами, открепленными от порядка универсального, связанными с множественностью смысла и интерпретаций, что облегчает управление картиной мира «здесь и сейчас».

*Двойное тело власти: эволюция стратегий трансценденции*

Десакрализация (рационализация) власти, привычная для порядка Модерна, подчиняет ее обыденным порядкам представлений. Но когда власть в обществе начинает легитимироваться только рациональными механизмами и позитивистскими процедурами принятия решений, иными словами, либеральной по своему происхождению логикой выборов и законов, от власти остается лишь ее скелет, то есть симуляция власти. Сама же субстанция власти начинает в действительности присутствовать совсем в других фигурах, практиках и учреждениях, нежели те, с которыми ее традиционно связывает здравый смысл. Тело, субстанция, материя власти всегда являются двойными, связывающими профанное и сакральное измерения социальной реальности, легитимируя вторым первое. Эволюция стратегий трансценденции власти связана с исторической преемственностью ряда бинарных оппозиций, поддерживающих подобную двойственность: хтоническое-посюстороннее, земное-святое, частное-публичное, реальное-гиперреальное.

Изначально власть в обществе персонифицировала фигура вождя, которая являла сама по себе точку пересечения земного и трансцендентного измерений, где порядок первого легитимируется авторитетом второго. Физическое тело духовного лидера, будучи медиатором мира живых и мира мертвых, обладало в силу этого факта двойственной природой: с одной стороны отпечаток воли вождя лежал на любой деятельности членов племени, освящая ее и попутно

проникая в мельчайшие детали этой деятельности, с другой – сам вождь оставался непроницаемым для других. Причем невидимость эта была буквального характера и возводила реальное тело вождя к хтоническому миру предков. Здесь трансцендентное измерение власти выступает как мифология, с присущей мифу природной вещественностью, телесностью и оборотничеством. Четкая граница между здешним и потусторонним отсутствует, мгновенный переход в рамках мифа возможен всегда.

Наступившие позже времена публичной политики потребовали выхода властных фигур «в свет». Чтобы власть последних не была десакрализована их публичным восприятием в качестве обычных людей, постепенно сложилась концепция символического тела власти. Само физическое тело властных персон как означаемое отныне полностью принадлежало имманентному. Но в отличие от других людей их тело, превращаясь в означающее, начинало функционировать как трансцендентный символ, неподвластный земным законам, но лишь божественному праву, которое собственно их и легитимирует. Отсюда неуывающая концепция «двойного тела» власти<sup>1</sup>. Здесь трансцендируется само персонализированное тело власти, безотносительно к наличию или отсутствию у его обладателя каких-то сверхъестественных способностей. Трансцендентное выступает на этом этапе преимущественно как религиозное. Причем лишь одна или несколько фигур, сосредоточивших высшую власть, имеют доступ к запредельному. Политическая система и нижние уровни власти легитимируются лишь опосредовано, поскольку доступ к трансцендентному для них закрыт, а сами они предельно прагма-

---

<sup>1</sup> *Пишизова С.Н.* Два тела президента (модели репрезентации власти на пороге третьего тысячелетия) // ПОЛИС, 1999. № 2. С. 122-133.

тичны и функциональны, являясь своего рода механизмом, пространственным продолжением воли монарха, расходящимися от него концентрическими кругами.

Последний этап эволюции связан с секуляризацией политики. Казалось бы, власть лишилась последней привязки к трансцендентному как религиозному. Кажется, что власть становится абсолютно прозрачной, функционируя в имманентном пространстве рациональности, подсчета голосов и т.п. На самом деле возмещение метафизичности власти происходит через виртуализацию власти, где на смену божественности приходит сначала глас народа, затем электронная дигитальность. Кроме этого, поскольку граница трансцендентного и имманентного перестает проходить через развенчанные фигуры современных политических лидеров, потребность в этой границе переносится на фигуры окружения (советники, эксперты, олигархи, «закулиса»). Причем, в конце концов, трансцендентной становится среда власти, создающая эффект затемнения вокруг нынешних «голых королей». Легитимность последних уже не является следствием их прямого доступа к трансцендентному, но подтверждается лишь цепочками рационализированных отсылок к его авторитету.

Сакральность и трансцендентность власти отныне связаны с тем, что она стала слишком реальной, то есть гиперреальной. И в отношении этой гиперреальности, конструируемой СМИ, реальность повседневности поблекла, как будто у нее отняли лишнее измерение, превратилась в симуляцию этой гиперреальности, в «как будто реальность». Таким образом, гиперреальность стала тем самым предельным измерением власти, без которого она не может эффективно детерминировать повседневность. Одновременно, реальная субстанция власти, покидая традиционные политические структуры, развенчанные претендующим на универсальность строем рациональности, начинает активно

перетекать в те практики, представления, персоны, которые, по крайней мере в общественном мнении, дают ей выход на сакральное измерение.

Власть в силу инстинкта самосохранения неизбежно обращается к мифу, чуду и принципу веры, к обожествлению социального в противовес десакрализирующей рациональности, поскольку крушению любого режима и любой теории предшествует потеря ими своей сакральности. Революции, научные и общественные, лишь придают очевидность этому факту. И, например, любые метафоры конспирологии, «общественных сетей» есть лишь попытка восполнить место, освобожденное профанизированными и дискредитированными структурами, такими как партии, выборы, референдумы, демонстрации и т.п.

Но что может стать более легитимным в современной политике, чем демократия и ее институты? Без проектов новых утопий в принципе невозможно выйти за пределы демократической парадигмы. Очевидно, что легитимации властных решений авторитетом Разума недостаточно в имманентном им пространстве рационального, поскольку то, что легитимирует, полностью вписывается в пространство легитимируемого, представляя обычную тавтологию. Таким образом, и наука, и рациональные идеологии Нового времени недостаточны для легитимации власти. Теряя свою двойственность, принадлежность и к профанному, и к сакральному, прежняя власть перестает быть таковой, освобождая место чему-то новому.

### **Пост-Модерн как ситуация и состояние мышления**

Актуальный постмодернизм как «состояние» политического знания и «ситуация» политического мышления связан с осмыслением и продуцированием политического поля как трансидеологического, то есть вышедшего за пределы